В том, чтобы точно знать, когда и как ты умрешь, были определенные преимущества. Всю свою предыдущую жизнь я готовился к неизбежному завтрашнему дню, часто жертвуя при этом сегодняшним. Но все мои труды, все мои приготовления, все, что я когда-либо делал, хотел или надеялся когда-нибудь сделать, было перечеркнуто в один миг. Я уже мечтал построить свою новую жизнь в этом мире, продумать все до мелочей и не совершить тех же ошибок, что и в прошлый раз.

Но, видимо, в этом не было необходимости, поскольку я все равно не проживу достаточно долго, чтобы совершить те же ошибки. Конечно, это был удар под дых, но был и приемлемый срок, напоминание о том, что у меня еще есть сегодняшний день и что я могу извлечь из него максимум пользы, несмотря ни на что.

Признаться честно, у меня было несколько фантазий о том, как я приду и исправлю ошибки этого мира, предотвращу резню, подружусь с Наруто и спасу всех. Но когда я попытался придумать, как именно это сделать, все начало стремительно рушиться. Резня произошла не по вине Итачи. Она стала результатом сложной паутины обид, подозрений и страха, которые в итоге привели к гибели всего клана. События начали развиваться еще до основания Конохи, когда началась вражда между Учиха и Сенджу.

Я не мог изменить прошлое. Я не мог предотвратить подозрения или слежку. И не мог изменить коллективное сознание клана. Я видел, как все это предстает передо мной в своей ужасающей неизбежности. И я подумал, что, возможно, остальные члены клана тоже это видят. Может быть, они никогда не хотели сражаться и боялись, что подозрения перерастут в страх, а страх приведет к их уничтожению.

Они не ошиблись.

Значит, так тому и быть. Остановив Итачи, мы не остановим ни Данзо, ни Фугаку. И остановить Данзо от убийства Шисуи было бы лишь временной мерой, прежде чем все снова закипит, а подозрения и страх продолжат расти.

Лежа рядом с Саске в его кроватке, я пришел к неутешительному выводу, что действительно бессилен изменить его судьбу. И по ряду тех же причин я сильно сомневался, что смогу помочь и Наруто. Даже если предположить, что у меня было семь или восемь лет, я сомневаюсь, что кто-то позволит ребенку Учих приблизиться к Джунчирики деревни, не после того что произойдет.

Если бы я искал его, если бы я пытался подружиться с ним, якобы ничего о нем не зная, как бы это выглядело для жителей деревни?

Это выглядело бы так, будто я пытаюсь получить доступ к Кьюби. Если старейшины деревни не остановят меня, то уж мой клан точно. Они не могли позволить себе лишних подозрений, тем более когда действительно что-то замышляли.

Что же касается всего остального, то какой от меня толк против Акацуки, а тем более против

Обито, Мадары и Кагуи? Несмотря на то что в манге упор делается на силу упорного труда, два главных героя были реинкарнированными почти богами, обладающими силой биджу и комбо Вечный Мангекё Шаринган/Риннеган. Даже Каге не дотягивали до силы Наруто и Саске и мало что сделали, чтобы изменить исход финальных битв. Единственное, что я мог предложить, - это информацию, но кто поверит ребенку? Да и какое это имеет значение, если к моменту появления этих врагов я был бы уже давно мертв?

Я не имел никакого значения. Я был просто еще одним второстепенным персонажем, принесенным в жертву во время становления героя. Но это, в некотором роде, освобождало. Я не имел значения. Ничто из того, что я делал, не имело значения. Поэтому я мог делать все, что хотел, с тем временем, которое мне было дано. К тому же я был ребенком, так что играть, веселиться и совершенно не думать о будущем было не так уж необычно. Я хотел вырваться на свободу и узнать как можно больше в этом волшебном, фантастическом мире... который на данный момент состоял из одной-единственной комнаты и реинкарнированного полубога в подгузниках.

Что касается соседей по комнате, то Саске был неплох. Он был веселым ребенком, который довольно быстро привык к моему присутствию и часто жался ко мне, чтобы подремать. Большую часть дня и ночи он спал, но всегда бодрствовал, когда к нему приходил Итачи.

Я не сразу понял, что Итачи обожает Саске. Это было видно по тому, как светилось его лицо, когда он смотрел на младшего брата, как он нежно разговаривал с Саске и баюкал Саске на коленях. Саске обожал Итачи в ответ, улыбался, когда тот приходил, и плакал, когда ему приходилось уходить. Итачи всегда тихонько смеялся над цепкостью Саске, а когда ему нужно было уходить, тыкал его в лоб и говорил: "Прости, Саске. В следующий раз".

Итачи был добрым и веселым ребенком, всегда улыбался Фугаку и Микото. Но с Саске все было иначе. Итачи вцепился в него, крошечного и беззащитного, которого нужно было защищать, несмотря ни на что.

Было бы легко обидеться на него за то, что он делал, но зачем мне это. Он улыбался, играл со мной и Саске и читал нам книги. Он держал Саске на одной ноге, а меня - на другой, медленно выводил слова в книжках с картинками и издавал преувеличенные звуки, читая истории. В нем не было ни злобы, ни гнева, ни раздражения. Он был просто маленьким ребенком со своим младшим братом. Нет, я не ненавидел его.

Мне было жаль его.

Он был проклят тем, что стал вундеркиндом. И если я не буду осторожен, то рискую пойти по его стопам. Я не хотел участвовать в этом и поэтому наблюдал за Саскэе, используя его как золотой стандарт моего прогресса. Когда он начал переворачиваться на живот, я тоже. Когда он сел, я тоже. Когда он начал ползать, я тоже.

Это было хорошо для поддержания моего прикрытия, но не оставляло мне возможности стимулировать свой разум. Поскольку возможности были ограничены, большую часть времени

бодрствования я проводил, играя с "теплом", которое заметил раньше и которое, как я предполагал, было моей чакрой. С некоторым успехом я пробовал упражнение с листиками. Я использовал все, что попадалось под руку, включая одежду, одеяла и иногда Саске, хотя старался не лить чакру туда, где ее мог увидеть кто-то еще. Это был хороший способ провести те первые дни, хотя и немного однообразный.

Все это время я внимательно слушал и старался как можно лучше усвоить местный язык. Я быстро впитывал новые слова и уже через несколько месяцев мог с относительной легкостью следить за целыми разговорами.

В конце концов я понял, что Фугаку и Микото не были моими настоящими родителями. Мой отец, Учиха Сейичи, был дальним родственником Фугаку и погиб во время миссии почти полгода назад. Моя мать, Узумаки Рёко, умерла во время родов. Чтобы спасти нас, пришлось вызвать роды на пять недель раньше срока. Меня спасти удалось, а вот моя родная мать не выжила.

Вместо нее меня отдали Микото, единственной женщине из Учих кто все еще кормила ребенка грудью. Она назвала меня Учиха Киё в честь старого предка до Конохи и относилась ко мне, как к родному. Микото была хорошей матерью, нежной и внимательной, даже не проявляя явного фаворитизма по отношению к своему ребенку, а не к неожиданно подброшенному ей на колени интервенту. Более того, казалось, что она рада появлению маленькой девочки. В то время как Микото улыбалась и ворковала со мной, Фугаку оставался довольно стоическим, редко проявляя явную привязанность, хотя время от времени он все же улыбался нам.

Я понял, почему Саске будет стараться заслужить его похвалу в будущем.

Я также отметил различия в их чакре. Фугаку был похож на раскаленное до бела лезвие, которое заострялось всякий раз, когда он на чем-то сосредотачивался. Микото была мягче, как свет свечи. Итачи был похож на костер, теплый и манящий. А Саске... ну, он был похож на искры от куска кремня, бьющего по стали. Если дать ему время, он превратится в ад.

Мне не терпелось дождаться первого слова Саске, но я, поддавшись скуке, опередил его. Итачи играл со мной и Саске в "ку-ку", и тут вошла Микото, чтобы спросить, сделал ли он свои дела.

"Хай", - ответил он. Да.

"Хай!" повторил я, решив, что это самое подходящее первое слово. Я хлопнул в ладоши и ухмыльнулся. "Хай! Хай!"

Микото исчезла, а через мгновение появилась вновь с Фугаку на буксире, и я повторил свое первое слово для него. Он улыбнулся и прокомментировал мои ранние вербальные навыки. Саске тоже улыбался и смеялся, не понимая всей этой суматохи, но все равно наслаждаясь ею. Я почувствовал короткую вспышку чакры и понял, что Микото активировала свой Шаринган. На мгновение я подумал, нет ли поблизости угрозы, но она просто улыбалась мне.

Что ж, я предполагал, что Шаринган используется для запоминания. Так что, возможно, такая себе версия Учих - фотографии или домашнего видео? Я повторил свои слова еще несколько раз, все еще улыбаясь и хлопая ей. Было странно радостно, что здесь есть человек, которому небезразлично мое первое слово, и он его запомнил. Я видел ее шаринган еще несколько раз, например, на дне рождения или когда она наряжала нас на новогодний праздник.

Вскоре Итачи начал посещать академию, оставив нас с Саске наедине большую часть дня. Без него было довольно скучно, так как Фугаку постоянно пропадал на работе, а Микото сама управлялась с домом и различными делами клана. Она старалась находить время для нас, играла в игры и дарила игрушки, но во многих из них чувствовался странный подтекст. Несколько кукол были в форме ниндзя с жизненно важными органами, отмеченными большими черным крестом "X", которые Микото учила нас тыкать. Игры с хлопками были заполнены тем, что выглядело как знаки рук дзюцу. По всей комнате были расставлены различные мишени, в которые она учила нас попадать бобовыми мешочками.

Потом она читала нам истории. В них рассказывалось о великих ниндзя, самураях и воинах-изгоях, сражающихся за клан и страну. В них, как правило, было много борьбы и смерти. И я имею в виду много. Несмотря на то что тема книг смущала меня, я сосредоточился на том, чтобы научиться читать, выслеживая символы и перечитывая их ей снова и снова.

Когда Микото была занята, я носился с книжками и протягивал их всем, кто обращал на меня внимание. Итачи всегда был не прочь почитать, а Фугаку можно было убедить щенячьим взглядом. Члены семьи и гости иногда становились жертвами моих уговоров, если Микото не следила за тем, чтобы двери были закрыты. Однажды, когда она устраивала званый ужин и заперла дверь в столовую, мне даже удалось сбежать из дома и найти пару стариков, играющих в сёги, которые с готовностью согласились почитать мне. Через час из дома выскочила встревоженная Микото и потащила меня обратно в дом, но я лишь помахал мужчинам рукой с радостным "пока-пока!".

Микото, видимо решив, что у меня слишком много энергии, принялась учить нас с Саске базовым растяжкам и упражнениям на развитие мышц и гибкости. Она превратила это в игру, регулярно добавляя новые движения, пока мы запоминали старые. Мы также начали делать упражнения на выносливость, что мне показалось немного странным, учитывая наш возраст, но, возможно, она просто хотела нас утомить, раз Итачи не было дома большую часть дня. Выработка выносливости заключалась в беге.

Много-много бега.

Нам с Саске велели бегать по кругу на заднем дворе, учили отжиматься, приседать и делать выпады. Нам еще не исполнилось и двух лет, так что выносливости у нас практически не было, но я был уверен, что у обычного двухлетнего ребенка из моего прежнего мира не хватило бы сил на многое из этого. Я объяснял это тем, что чакра текла по нашим телам, укрепляя мышцы и ускоряя реакцию намного быстрее, чем должен бы быть способен обычный ребенок.

Этому сильно мешала моя астма, один из побочных эффектов моего трудного рождения. Пыль и напряженные физические нагрузки были достаточны, чтобы я задыхался, а ниндзя, видимо, еще не изобрели ингаляторы. Было несправедливо, что я наполовину Узумаки и все равно

страдаю от осложнений со здоровьем, но, видимо, я не унаследовал знаменитое телосложение Узумаки. Хотя, наверное, мне не стоило слишком расстраиваться. Кровные линии не были гарантией идеальной генетики.

Однако мои физические ограничения не могли полностью остановить меня. Я прошел все, что мог, а потом сделал перерыв, пока Саске продолжал тренироваться. Ну, "тренироваться". Все-таки мы были еще малышами. Но я был немного удивлен и встревожен тем, как рано они начали нас обучать. Учиха действительно были ниндзя прямо из колыбели.

Не прошло и года, как Итачи закончил свое обучение. В тот вечер мы устроили грандиозный пир, на котором почти весь клан собрался, чтобы поздравить его, причем, как ни странно, больше Фугаку, чем Итачи. Нас с Саске одели в крошечные голубые кимоно и позволили сесть за стол рядом с Итачи, который, казалось, был смущен таким вниманием. Время от времени я подкладывал Итачи сладости на тарелку, которые он незаметно съедал, когда никто не смотрел.

После этого Итачи стал чаще брать миссии ранга D и тренироваться. Когда он играл с нами, то стал использовать игры для развития рефлексов и даже научил нас нескольким приемам метания резиновых мячей. Мы с Саске легко освоили некоторые азы. У Саске было гораздо лучше с прицеливанием, что меня ничуть не удивило. В прежней жизни я никогда не занимался спортом, потому что у меня ужасно получалось практически все, что связано с прицеливанием и координацией. Моя астма лишь усугубила этот недостаток, поскольку я мог тренироваться лишь часть времени, но это меня не слишком беспокоило, поскольку я не проживу достаточно долго, чтобы эти навыки мне пригодились. Саске, напротив, поглощал все, чему Итачи мог научить, и часто проводил часы напролет, тренируясь на заднем дворе.

"Я хочу быть как Нии-сан!" - возбужденно говорил он, когда ему удавалось попасть в цель в третий раз подряд. Речевые навыки Саске улучшались полным ходом. Он уже мог говорить полными простыми предложениями, хотя я не всегда понимал, что он говорит. Я старался говорить тише, чтобы скрыть тот факт, что мои речевые навыки намного превосходят уровень обычного ребенка, но из-за этого мое произношение страдало от недостатка практики, и Микото часто заставляла меня говорить чаще и четче.

"Так и будет", - заверил я его, бросая свой мяч. Он пролетел мимо, едва задев край мишени. Я нахмурился и повторил попытку, но попал совсем не в цель.

"Нет, вот так", - сказал Саске, демонстрируя мне стойку, которую Микото показывала несколько недель назад, не спеша прицелился и бросил мяч по идеальной дуге в центр мишени. Я изо всех сил старался подражать ему, но у меня получилось попасть по внешнему кольцу. Саске покачал головой. "Нет... вот так".

Малыши - не лучшие учителя, но Саске без проблем показывал мне стойку и движения снова и снова, пока я не начал стабильно попадать в цель. Более того, похоже, ему нравилось быть авторитетом в этом вопросе.

Это был простой и веселый способ провести осенний день.

Той зимой я обнаружил, что в Конохе действительно бывает снег. У нас чрезвычайно умеренный климат, и предыдущие зимы, насколько я помню, были холодными и влажными, но в этом году выпал настоящий снег.

К сожалению, я не мог им насладиться, потому что был заперт в доме с пневмонией.

Весь прошлый год я то и дело болел простудами и инфекциями. Никого это особенно не удивляло. Очевидно, в дополнение к астме у меня была диагностирована ослабленная иммунная система. Меня закутали в тяжелое одеяло и усадили под котацу - стол с юбкой из одеяла и обогревателем. Микото сидела напротив меня и чинила порванную форму Фугаку, Саске был на тренировке, Итачи - на задании, а Фугаку - на работе.

Кашляя и сопя, я снова принялся листать книжки с картинками, часто поглядывая на окно, где играл Саске. Это выглядело очень забавно, даже интереснее, чем читать о звуках, издаваемых животными.

"Каа-чан, можно я...?" начал я, но остановился, так как меня прервал приступ кашля. Микото налила мне чашку чая. Мой взгляд снова остановился на Саске, который начал лепить снежки. Микото проследила за моим взглядом и вздохнула.

"Мне очень жаль", - сказала она. "Доктор сказал, что тебе нужно отдохнуть и побыть в тепле".

Я кивнул и отпил чай.

Микото на мгновение замешкалась, прежде чем встать и уйти. Через минуту она вернулась с книгой.

"Может быть, для тебя это рановато, но я подумала, что тебе понравится", - сказала она, положив книгу на стол передо мной.

"Куми... Куноичи", - медленно прочитал я. Это была не книжка с картинками.

"Почему бы нам не почитать ее вместе?" - спросила она, улыбаясь, усаживая меня к себе на колени и открывая первую страницу. "Что здесь написано?"

"Жил-был..." начал я и остановился на незнакомом слове.

"Прекрасная", - уточнила Микото.

"Жила-была прекрасная куноичи по имени Куми", - сказал я. И мы дочитали первую главу до

того, как Саске, фыркающий и розовощекий, вернулся к ужину.

В детстве меня не переставало удивлять, как легко я все усваивал. В прошлой жизни я быстро учился, но это было ничто по сравнению с тем, как информация "прилипала" сейчас. Запоминать было так же легко, как дышать. Возможно, это как-то связано с податливостью детского мозга, и я собирался воспользоваться этим преимуществом, пока оно длится.

Я также предположил, что это может быть особенностью Учих. Шаринган славился своей техникой копирования, но глаза-то ничего не помнят. Поэтому я подумал, что, возможно, Шаринган просто разблокирует механизм, существующий в сознании всех Учих, и наделяет их эйдетической памятью, работающей на чакре. Это могло бы объяснить, почему они славились как своими гениями, так и глазами. Итачи был гениален и без Шарингана, и я был уверен, что Саске тоже хорошо развит для своего возраста, хотя мне не с чем было сравнивать.

Рассуждения о природе Шарингана и интеллекте остались в стороне, и я поглощал любую литературу, которую мог достать своими пухлыми руками. Целых два месяца я просидел в больнице с пневмонией, так что недостатка в учебном времени у меня не было. А когда мне надоедало читать, я работал над ловкостью рук, обычно рисуя.

"О, что это?" спросила Микото, заглядывая через мое плечо на мой, безусловно, детский рисунок.

"Это ты, Каа-чан!" сказал я, поднимая рисунок. Моя мелкая моторика была... в процессе работы.

"О, эта красотка - я?" спросила Микото, изображая удивление. "Ну, почему бы мне не повесить это на холодильник?"

Так она и сделала.

Она вернулась к обеденному столу, а я убрала свои художественные принадлежности и взяла в руки "Куми-куноити". Я читал ее уже восемь раз, и с каждым разом мне становилось все легче. Я как раз собирался попросить еще более продвинутую книгу, когда Фугаку вернулся с работы.

"О, ты читаешь это в одиночку, Киё-чан?" - спросил он. Он был занят на работе, а я часто ложилась спать к его приходу, так что я не удивилась, что он не заметил этого до сих пор. "Это достаточно сложная книга".

"Мне нужна помощь", - подстраховалась я. Первое чтение требовало участия Микото, по крайней мере, один или два раза в каждом предложении, но теперь я мог прочитать всю книгу от корки до корки.

"И все же..." - сказал он, рассеянно потирая подбородок. "Даже Итачи научился читать только в четыре года..."

Ладно, быть одаренным - это одно. А превзойти вундеркинда всех вундеркиндов - совсем другое.

К счастью, Саске, игравший на улице, заглянул через открытую заднюю дверь и потащил Фугаку на задний двор, чтобы он посмотрел, как тот упражняется с резиновыми мячами. Я последовал за ним, имея смутное представление о том, что мне предстоит продемонстрировать свои неумелые навыки в метании. Саске продемонстрировал, как бросает три мяча в мишень на заднем дворе. Каждый из них попадал точно в центр.

"Это потрясающе, Нии-тян!" воскликнул я, хлопая в ладоши. Его меткость и ловкость, на мой взгляд, впечатляли не меньше, чем чтение книг по истории.

Фугаку хохотнул.

"Если ты будешь продолжать тренироваться, то однажды сможешь повторить пример своего брата", - сказал он. Я внутренне поморщился от отсутствия похвалы и от того, как осунулось лицо Саске. Для малыша Саске продемонстрировал поистине выдающиеся способности, но, возможно, Итачи исказил представления Фугаку о разумном развитии.

"Хорошо, - пробормотал Саске. Фугаку выглядел так, словно хотел что-то сказать, но потом просто вернулся в дом, оставив нас обоих во дворе.

Я потянул Саске за рукав. Его глаза были подозрительно влажными.

"Нии-тян... ты покажешь мне, как это делается?" попросил я. "Это было так круто!"

Саске поднялся и поспешно протер глаза, а затем улыбнулся мне.

"Конечно", - сказал он. "Вот так..."

Мы тренировались до обеда, когда Итачи вернулся домой. Саске демонстрировал свою меткость, но я все равно сильно отставал. Итачи не очень беспокоило отсутствие у меня способности к метанию, и вместо этого он спросил меня о моей книге. Я вкратце рассказал о "Куми-куноичи" и попросил его почитать ее вместе со мной. Итачи согласился и пристроил меня под одну руку. Саске примостился под другой, и мы читали вместе до тех пор пока не уснули.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/65345/3502108